

Курбанов Муса Гасангусейнович

К МНОГОМЕРНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматривается проблема многомерности человека в аспекте различных возможностей его существования и понимания. Философская интеграция и концептуальное единство гуманитарных наук позволяет более полно выразить реальную многомерность человека через феномены его гармонии и совершенства.

Раскрыта их философско-антропологическая значимость. Деструктивные формы жизни человека показывают уродливые очертания в его соразмерности, которые приходят и уходят совсем небесследно в истории.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/7-1/24.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (21): в 3-х ч. Ч. I. С. 108-111. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

**EDITING IN HERO ARTISTIC IMAGE FORMATION IN RUSSIAN CULTURE:
BY THE EXAMPLE OF RUSSIAN BOGATYR IMAGE**

**Marina Yur'evna Kuz'mina
Aksin'ya Viktorovna Bekisheva**

Department of Culture Theory and History

*Trans-Baikal State Classical-Pedagogical University named after N. G. Chernyshevskii
marinabaksh1@rambler.ru; a_bekisheva@mail.ru*

The authors consider editing means of hero image formation in the Russian culture and their historical variability, undertake the attempt to translate the texts of artistic culture that represent hero images into the cinematic language of editing, and basing on value tendencies consideration present the image-bearing and meaningful typology of the heroes prevailing in the Russian culture in different historical periods.

Key words and phrases: editing; artistic image; bogatyr (epic character, hero of folk Russian legends); editing means; heroes - character types; artistic culture; idealization; combination.

УДК 101.1:316.37

В статье рассматривается проблема многомерности человека в аспекте различных возможностей его существования и понимания. Философская интеграция и концептуальное единство гуманитарных наук позволяет более полно выразить реальную многомерность человека через феномены его гармонии и совершенства. Раскрыта их философско-антропологическая значимость. Деструктивные формы жизни человека показывают уродливые очертания в его соразмерности, которые приходят и уходят совсем небесследно в истории.

Ключевые слова и фразы: человек; человечность; многомерность; соразмерность; совместимость; совершенство; существование.

Муса Гасангусейнович Курбанов, к. филос. н., доцент

Кафедра философии и социологии

Дагестанский государственный университет

kurbanovm@mail.ru

К МНОГОМЕРНОСТИ ЧЕЛОВЕКА[©]

Проблема многомерности человека, онтологических возможностей его практического существования и гносеологических основ его теоретического понимания, является одной из самых древних и была четко обозначена еще в протагоровской формуле «человек - мера всех вещей». Насколько эта проблема является древней, настолько она представляется и сложной, даже в отношении возможностей всего современного корпуса гуманитарно-теоретических наук и общественно-практических форм жизни, нацеленных на интеграцию и синтез всех возможностей человеческого существования в мире. Значительный вклад в понимание проблем человеческой многомерности (в том числе соразмерности, интервальности) внесли такие философы, как Ф. В. Лазарев и Б. А. Литтл [3], Б. В. Марков [4], Г. Маркузе [5] и другие, которые, избавляясь от традиционной метафоричности в понимании тех или иных затруднений, существенно обогатили философскую содержательность теории и практики развития человека. Мои отдельные представления об этой проблеме изложены в монографиях «Философские искания человечности и исторический процесс» [2] и «Восхождение человечности» [1]. В данной же статье предпринята попытка обобщить и систематизировать формируемые взгляды в свете новых представлений о проблеме человеческой многомерности в целом.

Общеизвестно положение о том, что человек как существо, незавершенное и отнюдь не всемогущее в мире природы, является вместе с тем широко открытым для изменений, вызываемых другими мирами (мирами культуры, искусства, науки, техники). В первом же приближении проблема многомерности человека и многомерности всего мирового универсума обнаруживается в тесной связке с проблемой их взаимной гармонии и совершенства. В исходном представлении человек, понимаемый как особое существо, является незавершенным, и в этой незавершенности состоит источник человеческого совершенства. Мировой универсум, представляемый без человека, так же может считаться незавершенным, как и человек, полагаемый помимо мира. Человек обретает свою полноту и совершенство, лишь полагаясь в своем бытии в качестве всемирного существа, а мир становится совершенным, наполняясь человеческой, гуманистической гармонией всеобщего универсального существования.

Ясно, что линейная одномерность человека и какой-либо формы мирового бытия не предъявляет особых претензий к движению в направлении универсального совершенства, как это обстоит в отношении к пониманию многомерности. Человек преодолевает несовершенство и недостаточность своих элементов, а также ограниченность способа своего многомерного существования благодаря использованию более совершенных частей и элементов открытого перед ним мира. Но за все это человеку приходится расплачиваться такими

последствиями, о которых он сначала не имеет ни малейших представлений. Так, формально-обезличенная юриспруденция не только корректирует некоторые изъяны нравственности, но вместе с тем и вовсе может нивелировать всю систему моральных устоев человека, подминать их под себя - под социально-правовую регламентацию. Этическое несовершенство отдельных человеческих нравов лишь частично устраняется и перекрывается социально-правовой нормативностью, но в экстремальных условиях это ограничение теряет свою значимость и уступает место естественному положению вещей. То же самое касается и других сторон человеческой жизни. Так, функционально-физиологическое несовершенство своего кожного покрова человек устраняет тем, что может использовать одежду, а эстетическое несовершенство фигуры своего тела человек скрывает за стильной и модной одеждой.

Многомерность не только открывает перед человеком весь мир и скрытые в мире возможности, но и самого человека делает открытым для всего мира. Многомерность мира своеобразно отражается и в многомерности человека - в разных его способностях, состояниях и свойствах. Соизмеряя свою многомерность с многомерностью мира, человек может попадать в такие ловушки, которые парадоксальным образом формируют одномерного человека.

Это обстоятельство отчетливо выражается, например, в экзистенциальности веры. Вера, рождающая надежду, всегда актуализирует в человеке ожидание более совершенного и благоприятного существования в будущем, но вместе с тем она примиряет человека с такой соразмерностью наличного бытия, которую он обнаруживает и признает в качестве данного ему условия жизни (*«верую, ибо абсурдно»*). Это временное примирение человека с данным ему миром может стать и постоянным. Тогда оно чревато формированием линейной одномерности самого человека, доводящей его существование до самых фанатичных форм жизни.

Чувство и разум, подкрепленные волей, могут не только признавать, но и отвергать данную нам от природы соразмерность существования в мире, реструктурировать и рекомбинировать ту или иную размерность под потенциал различных возможностей самого человека (*«мыслию, следовательно, существую»*, *«существовать, значит быть воспринимаемым»*). Благодаря отражению разных тенденций своей соразмерности с миром человек постигает такую сферу или область соразмерности, которая совместима с ожиданиями человека. Но в каждом случае мера такой совместимости и соразмерности может оказаться исторически относительной, своеобразной и феноменальной.

Многомерность человека можно в сопоставительном виде представить и выразить через три способа бытия, отличающиеся друг от друга по качеству и степени совместимости и соразмерности человека с миром. Речь идет о человеческом, нечеловеческом и античеловеческом способах бытия, которые настолько едины и переливаются друг в друга, что между ними следует проводить как можно более утонченные разграничения. Если бесчеловечность человека может быть обусловлена стихийными бедствиями и катаклизмами как природного, так и социального порядка, то античеловечность (как квинтэссенция преднамеренных преступлений против человечества) может быть обусловлена только социальными катаклизмами и гуманитарными катастрофами в обществе.

Во-первых, это человеческий способ бытия, сполна соответствующий природе (*«первосущности»*) самого человека. В первозданном человеческом способе бытия разные формы реальности (физическая, биологическая, социальная, духовная) пребывают в своем естественном, взаимно адаптированном, сочетающемся состоянии. Механизмы социальной адаптации функционируют здесь в таком направлении, чтобы содержание и различные формы реального человеческого бытия через влияние друг на друга всегда стремились к своему естественному соответствию родовой сущности человека. Результатом социальной адаптации здесь становятся такие качества, как сплоченность, сострадание, солидарность, сотрудничество, справедливость и др., в которых проявляется суть человечности.

Во-вторых, это нечеловеческий способ бытия, в котором человек открывается перед сущностью мира, перед сущностью иной природы и всего, объективно существующего помимо человека. Здесь, например, физическое тело человека сосуществует и взаимодействует с реальными вещами физического мира, не только непосредственно через свою натуру, но и через культуру. Поэтому в отношении к сущности мира человек, *«овеществляя»* себя, вынужден реализовывать себя *«бесчеловечно»*. Он считается с сущностью окружающих его вещей и всего мира лишь в той мере, в которой эта вещественная сущность определяет такие же объективные физические границы и возможности естественного человеческого бытия. Сам по себе нечеловеческий способ бытия человека возникает как результат его формальной объективации. Он предопределен всеобщим способом овеществления всякой жизни, в которую человек объективно включен лишь частично. Человек не только живет, синкретично сливаясь со своей жизнью, но и *«существует»* помимо своей жизни - фиксируется в вещах, в идеях, в других людях.

Нечеловеческий способ бытия здесь представляется как витально-внешняя необходимость, которая связана с наиболее глубинным источником формирования тотального отчуждения и расчеловечивания человека. Именно с этим источником всегда связано происхождение различных попыток искусственного и принудительного очеловечивания вне-человеческого мира. Формальная объективация отношений, возникающая на одном полюсе человеческой жизни, сопровождается содержательной субъективацией отношений на другом ее полюсе. Такая ситуация выражается, например, в том, что порою человек склонен обожествлять и мистифицировать свое бытие, т.е. он как бы делится своими чувствами, помыслами и переживаниями с окружающими его вещами - беседует с камнями, деревьями, звездами, общается с овеществленной сутью своих образов, мыслей, идей и т.д. В этом смысле такие, казалось бы, разные формы отношения человека к миру, как *«разбожествление»*, *«расколдовывание»*, *«демистификация»* и др., находятся по одну сторону баррикад против архаичных основоположений фетишизации мира, сковывающих свободное движение современной цивилизации. Именно по этой причине такие и подобные им формы (*«разбожествление»*, *«расколдовывание»*,

«демистификация») становятся ключевыми установками постмодернизма (Р. Рорти). По своей сути, они являются отчужденными формами расчеловечивания человеком своего бытия в мире. Эта тенденция расчеловечивания является сквозной в истории, начиная от латентных, скрытных проявлений в своих истоках (таких как фетишизация), и заканчивая вполне очевидными явлениями в наше время (таких как дефетишизация).

Процесс расчеловечивания имеет как негативную, так и позитивную стороны, которые на разных этапах истории могут становиться взаимно обратимыми. В ходе этого процесса всегда можно наблюдать поэтапные, пошаговые преодоления устаревающих и умирающих - сначала примитивных - традиционно-архаичных форм проявления антропоцентризма, а теперь и его современных не менее императивных постулатов.

Потребность в особом почитании возвышенных ценностей переходит от проблематики приоритетности чередования последних к проблематичности самой потребности в их выборе. Традиционные нормы и правила человеческого бытия в глобализованном мире теряют свой привычный смысл. В условиях непредсказуемой динамичности темпов смены социальных событий былая сила традиций превращается в человеческую слабость. Теперь источником повседневного опыта все больше становятся не предания старины, а мечтательные грезы и фантазии распаленного воображения.

Механизмы социальной адаптации здесь функционируют в обратном направлении - в направлении «отчуждения», отступления от актуализирующихся интенций человеческой сущности, выходящих за пределы своего естества и явно противоречащих сущности человека вообще. На деле это выражается в том, что в самих вещах мы всегда можем увидеть отпечаток или проблеск человека, и это было бы вполне человеческим. Но в человеке нельзя видеть вещь, ибо такое видение бесчеловечно, и на него устанавливается самое жесткое табу, порождающее базис для всей системы нравственности.

В нечеловеческом способе бытия причины бесчеловечности лежат за пределами самого человека и проистекают из условий окружающего нас мира, порождая рабскую психологию вещиизма. Какими бы ни были интенции самого человека, но в человеческой сущности всегда с необходимостью учитываются конкретные пределы существования самого мира и человеческого бытия в мире.

В-третьих, это античеловеческий способ бытия, который возникает и реализуется внутри человеческого бытия с такой же необходимостью, как и подлинно человеческий способ бытия. Сначала (в условиях дикости) античеловеческое бытие проявлялось, например, в форме каннибализма, затем (в условиях варварства) - в форме вандализма, а ныне (в условиях цивилизации) - в форме терроризма. Каннибализм нацелен на уничтожение живого человеческого тела. Вандализм уничтожает духовные формы человеческих ценностей. Терроризм уничтожает человека вообще, в целом и сразу.

Суть античеловеческого бытия, как бы она ни меняла свои формы, всегда была одной и той же. Она была и ныне является результатом того, что при переходе от старых форм человечности к новым в социальной жизни человека и всего общества реально складывается внутренняя рискованность для дальнейшего благополучного бытия. Эта рискованность всегда чревата неопределенностью, неуравновешенностью, неравномерностью, неравнозначностью в реализации человеком своих возможностей бытия в обществе. По этой причине в обществе объективно складывается социальная дисфункциональность, дисгармоничность, которая открыто и крикливо заявляет о себе в том или ином неординарном виде.

Античеловеческое бытие - это особый «грех», требующий быстрого искупления человека перед своей сущностью. Это вынужденная расплата за то, что он уже очеловечил некий фрагмент своего нечеловеческого бытия и, тем самым, создал в своем существовании проблему самоотчуждения. Античеловеческий способ бытия является как бы преступлением человека перед своей человечностью. Поэтому античеловеческое бытие возникает там, где обрываются взаимные связи, питающие жизненными силами самого человека и все общество. Такой «разрыв» социального континуума порождает особые нелинейные функциональные зависимости и каузальные связи, актуализирующие новую форму бесчеловечности и поддерживающие ранее существовавшие формы бесчеловечности.

Античеловечность может произрастать как из недр самого общества (например, политическое принуждение каждого к тому, чтобы изнурительно трудиться во имя светлого будущего для всех), так и из жизни отдельного человека (например, экстремальный эгоизм, цинизм, садизм и т.д.). Античеловечность может получать и рациональные формы, прикрываясь партийно-политическими идеалами и авторитарными императивами власти. В корнях античеловечности скрыта одна из глубоких тайн самой человечности, под покровом которой происходит радикальное расчеловечивание, обесценивающее одни формы жизни ради очеловечивания и возвеличивания других форм. Механизмы социальной адаптации в таких условиях играют противоречивую роль - они предназначены для защитного «обволакивания» или «облачения» античеловеческого бытия в самом человеке. Это делается для того, чтобы античеловеческое бытие стало подконтрольным в отношении к тенденциям дальнейшего развития человеческого бытия. Поэтому человек всегда вынужден реализовываться в социальных формах своего бытия не иначе как в виде личности, т.е. такой *личины*, которая делает его индивидуальность транспарентной и понятной для других людей.

Порою бесчеловечное воздействие одного человека на другого ставит последнего перед необходимостью выбора ответной модели поведения, которая может быть как человеческой, так и античеловечной. В сложных ситуациях насилия (с изощренными формами бесчеловечного манипулирования) выбор ответной модели поведения может навязываться человеку таким образом, что возможность индивидуальной заботы о близких ставится в зависимость от выполнения античеловеческих действий с далеко идущими последствиями для более широкого социального окружения.

Анализируя круг основных проблем в познании человека, можно сказать, что, в отличие от социальной философии, изучающей всеобщие связи и отношения между людьми, философская антропология ставит

в центр внимания конкретную форму человеческого начала, предопределенную телесной организацией. При таком рассмотрении «человек вообще» полагается как абстракция, в которой утрачены многие антропосемантические проекции, составляющие философский дискурс о человеке. Так, для философской антропологии важное значение имеют такие инвариантные формы дифференциации человеческого бытия, как гендерная разделенность на мужскую и женскую половины. Это гендерное разделение изначально является онтологически инвариантным, тотальным, функционально асимметричным, взаимно дополняемым и динамически уравновешенным. Мужская и женская половины неравнозначны по целому ряду аспектов. Но эта неравнозначность ограничена только той мерой, в которой обе половины предназначены для восполнения друг друга, для обретения истинной человечности через свое соединение. Поэтому здесь можно прямо сказать, что человеческое начало, взятое в виде той или иной своей половины, будет неполноценным, абстрактным и ущербным. Ведь человеческая сущность не имеет половых, возрастных, национальных, расовых и других различий. В этом смысле методологически репрезентативное постижение человеческой сущности в той или иной отдельно взятой гуманитарной науке оказывается принципиально невозможным. Отсюда прямо следует важный и вполне очевидный вывод, что без философско-мировоззренческих обобщений и взглядов современное научное познание человека не может претендовать на подлинно научный результат.

Список литературы

1. Курбанов М. Г. Восхождение человечности. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2007. 267 с.
2. Курбанов М. Г. Философские искания человечности и исторический процесс. Махачкала: Юпитер, 2002. 253 с.
3. Лазарев Ф. В., Литтл Б. А. Многомерный человек: введение в интервальную антропологию. Симферополь: СОНАТ, 2000. 264 с.
4. Марков Б. В. Знаки бытия. СПб.: Наука, 2001. 562 с.
5. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: REFL-book, 1994. 368 с.

TO MULTIDIMENSIONALITY OF MAN

Musa Gasanguseinovich Kurbanov, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Philosophy and Sociology
Dagestan State University
kurbanovm@mail.ru

The author considers the problem of man's multidimensionality in the aspect of different possibilities of his existence and understanding, shows that the philosophical integration and conceptual unity of classical sciences allow expressing more fully the real dimensionality of man through the phenomena of his harmony and perfection, reveals their philosophical-anthropological significance, and substantiates that the destructive forms of human life show ugly contours in his commensurateness, which come and go not without leaving a trace in history.

Key words and phrases: man; humanity; dimensionality; commensurateness; compatibility; perfection; existence.

УДК 908/571.151

В статье приведены благопожелания северных алтайцев (горе, огню, целебному источнику), и таким образом показана их неразрывная связь с природой. Хронологические рамки работы: XIX - начало XXI века. Основное внимание в статье автор акцентирует на современных благопожеланиях, описан окказиональный обряд – мургуул, проводимый на празднике коренных малочисленных народов Республики Алтай - Тюрук байрам (Праздник Кедр).

Ключевые слова и фразы: северные алтайцы; тубалары; кумандинцы; челканцы; слова благопожелания; культ гор; хозяин Алтая; Республика Алтай; обряд освящения; Тюрук байрам.

Дарья Аркадьевна Кучукова

Кафедра археологии, этнологии и источниковедения
Горно-Алтайский государственный университет
Russlana06@mail.ru

БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ СЕВЕРНЫХ АЛТАЙЦЕВ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ[©]

Работа выполнена при поддержке проекта «Реконструкция систем жизнеобеспечения древних и традиционных обществ Горного Алтая» (№ 6.3494.2011) госзадания Минобрнауки РФ.

Без знания прошлого нового не построишь, и потому в современных условиях (времени социально-экономических реформ, времени культурного возрождения малочисленных народов) подрастающее поколение коренных народов должно знать свою традиционную культуру, а самое главное развивать её и